

RU

Легитимизация российского политического дискурса (на материале телевизионной речи президента В. Путина)

Чэнь Сыци

Аннотация. Цель данного исследования заключается в определении пути легитимизации российского политического дискурса в контексте теории проксимизации и интерпретации политической позиции российской стороны с помощью дискурс-анализа. Легитимизация политического дискурса является важной предпосылкой для достижения согласия между говорящим и адресатом, а также для получения политического признания и поддержки. Научная новизна данного исследования заключается в анализе стратегии проксимизации с помощью корпусного инструмента UAM Corpus Tool для получения аналитической схемы с учетом лексических и грамматических особенностей русского языка и применения этой схемы для анализа российского политического дискурса и интерпретации дискурсивной логики президента В. Путина в контексте формирования легитимизации дискурса. В результате исследования были выявлены и проанализированы стратегии легитимизации в российском политическом дискурсе, систематизирована логика дискурса с целью достижения легитимизации с помощью трехмерной координатной диаграммы дискурсивного пространства, а также разъяснены политические позиции и мотивы действий России на основе дискурсивного анализа.

EN

Legitimization of Russian political discourse (on the material of President Vladimir Putin's television speech)

Chen Siqi

Abstract. The aim of the research is to identify the ways to legitimize Russian political discourse in the context of proximity theory and to interpret the Russian side's political position through discourse analysis. Legitimization of political discourse is an important prerequisite for reaching an agreement between the speaker and the addressee, as well as for gaining political recognition and support. The scientific novelty of the study lies in analyzing the proximization strategy using UAM Corpus Tool to obtain an analytical scheme taking into account the lexical and grammatical features of the Russian language and to apply this scheme in the analysis of Russian political discourse and the interpretation of President Putin's discursive logic. As a result, the research has identified and analyzed the strategies of legitimation in Russian political discourse, systematized the logic of the discourse to achieve legitimation using a three-dimensional coordinate diagram of the discursive space and clarified Russia's political positions and motives for action based on discursive analysis.

Введение

В современном мире связь между языком и политикой стала одной из острых проблем в информационном пространстве. С момента возникновения российско-украинского конфликта западный лагерь начал тотальную атаку общественного мнения на Россию, в результате чего трудно отличить правдивую информацию от ложной, что привело к появлению феномена «отмены культуры». Несомненно, этот конфликт представляет собой нечто большее, чем противостояние России и Украины в физическом пространстве, а также политическую игру и борьбу за власть между двумя лагерями в дискурсивном пространстве. В политических контекстах дискурс может гарантировать рациональную легитимность стратегической политики и оперативной практики, влиять на когнитивную позицию аудитории и таким образом завоевывать моральное превосходство и политическую поддержку, бороться за инициативу общественного мнения и политическое признание, укреплять собственное политическое лидерство. События, происходящие между Россией и Украиной, приобрели особую значимость для исследования политического дискурса с точки зрения легитимизации.

Исследователи – лингвисты в области политического дискурса отмечают, что нарастает «путаница» и отсутствует научный консенсус в теоретической трактовке понятия «легитимизация» и связанных с этим понятий. Исследования, проводимые в области легитимизации политического дискурса, позволяют научному сообществу прийти к какому-либо консенсусу (Leeuwen, 2007; 武建国, 牛振俊, 2018; 辛斌, 2020). Таким образом, легитимизация политического дискурса относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования сознанием людей, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. В этом смысле важность изучения легитимизации политического дискурса продиктована необходимостью поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с одной стороны, и необходимостью понимания аудиторией истинных интенций и скрытых приемов языкового манипулирования, с другой стороны. Также этому способствует повышение роли политического новостного дискурса в жизни общества, значительное увеличение числа пользователей сети Интернет и возможность обсуждения новостей в Сети.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, уточнить понятие «легитимизация» в политическом дискурсе; во-вторых, представить и описать пространственно-временно-аксиологическую модель (ПВА-модель, англ. STA-model – Spatial-temporal-axiological model) теории проксимизации; в-третьих, проанализировать посредством данной модели проксимизацию в российском политическом дискурсе; в-четвертых, выявить с помощью визуализации основную логику легитимизации политического дискурса. Для анализа путей, по которым достигается легитимизация политического дискурса, в статье используются следующие методы исследования: корпусный лингвистический метод, метод дискурс-анализа и герменевтический метод. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание стратегий проксимизации в президентской речи.

Материалом для исследования стало телеобращение президента России Владимира Путина о частичной мобилизации, опубликованное 21 сентября 2022 г. (Обращение президента России Владимира Путина // Новости. Первый канал. 21.09.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-09-21/438139-obraschenie_prezidenta_rossii_vladimira_putina?ysclid=lhjwov2yd7271116891).

Теоретической базой послужили труды в области исследования легитимизации дискурса (Martín Rojo, Dijk, 1997; Dijk, 1998; Leeuwen, 2007; Reyes, 2011; Screti, 2013; 林子婷, 苗兴伟, 2016; 武建国, 牛振俊, 2018; 宋健楠, 2019; 张辉, 颜冰, 2019; 龚双萍, 2020; 辛斌, 2020; 杨敏, 侍怡君, 2021), теории дискурсивного пространства (Chilton, 2004), теории проксимизации (Car, 2006; 2008; 2010; 2013; 2014; 2017).

Практическая значимость данного исследования заключается в понимании процесса легитимизации политического дискурса в российском контексте. Полученные результаты работы могут быть полезными для дальнейших научных изысканий в области политической коммуникации, дискурсивного анализа и политической науки, а также при преподавании теоретических и практических курсов по политической коммуникации, политической лингвистике, когнитивной лингвистике и теории дискурса.

Обсуждение и результаты

1. Исследование легитимизации политического дискурса

Как базовое понятие в политической лингвистике, легитимизация часто ассоциируется с такими понятиями, как авторитет, власть и идеология. Легитимизация является одной из основных дискурсивных целей, к которой стремятся политические деятели (Car, 2008, p. 39), и уже давно привлекает пристальное внимание ученых в различных областях, включая социологию, политологию и лингвистику. В области дискурс-анализа легитимизация рассматривается как дискурсивная практика использования дискурсивных стратегий для придания вещам легитимности (Martín Rojo, Dijk, 1997, p. 560), направленная на предоставление соответствующих причин, оправданий или приемлемых мотивов для прошлых, настоящих или будущих действий (Dijk, 1998, p. 255). А. Рейес (Reyes, 2011, p. 782) описывает легитимизацию как процесс, в ходе которого социальные субъекты оправдывают свои действия, «предоставляя аргументы для объяснения своего социального поведения, идей, мыслей, заявлений и т. д.», с намерением получить поддержку или одобрение своих действий; Ф. Скрети (Screti, 2013, p. 206) рассматривает легитимизацию как создание позитивного образа себя в дискурсивном пространстве общества и способность донести этот образ до большинства членов; Т. ван Леувен (Leeuwen, 2007, p. 93) утверждает, что процесс легитимизации заключается в ответе на вопрос «Почему мы это делаем? Почему мы делаем это таким образом?». Легитимизация – это коммуникативный акт, оправдание определенного вида речи или действия, обладающий дискурсивными свойствами. В данном исследовании легитимизация политического дискурса относится к дискурсивной практике, с помощью которой политические акторы оправдывают свои политические идеи, политические решения и поведенческие практики, используя рациональные причины и приемлемые мотивы, и в итоге способны убедить других и достичь желаемых политических целей.

Различные исследовательские парадигмы критического дискурс-анализа предлагают множество способов изучения легитимизации дискурса. Дискурсивно-исторический подход (DHA – Discourse-historical approach), представленный Р. Водак, фокусируется на легитимизации дискурса в конкретном социально-историческом и культурном контексте, в соответствии с тремя измерениями: темой содержания, текстовым выражением и дискурсивной стратегией в аналитической структуре. Т. ван Леувен (Leeuwen, 2007), основываясь на исследовании Р. Водак (Leeuwen, Wodak, 1999) об австрийской иммиграции, систематически предлагает структуру

для анализа легитимизации дискурса и подразделяет стратегии легитимизации на легитимизацию авторитета, легитимизацию моральной оценки, легитимизацию оправдания и легитимизацию создания мифов. Д. Ваара и соавторы (Vaara, Tienari, Laurila, 2006), а также А. Рейес (Reyes, 2011) дополнили и расширили классификацию стратегий в этой системе, но в целом им не хватает набора объективных и строгих критериев для суждения. Чтобы устранить недостатки субъективного анализа легитимности дискурса, польский ученый П. Цап (Cap, 2008) предложил теорию конвергенции и достиг объективного количественного пути исследования с помощью распознавания лексико-грамматических единиц. Поэтому в данной работе предпринята попытка использовать эту теорию для объяснения способов легитимизации российского политического дискурса путем сочетания качественного и количественного подходов.

2. Теория проксимизации

В книге «Анализ политического дискурса: теория и практика» П. Чилтон (Chilton, 2004) выдвигает важное предположение: в любом дискурсе люди обычно «размещают» дискурсивные объекты, связанные с собой, по трем осям (пространство, время и модальность) и, таким образом, «размещают» другие дискурсивные объекты в своем собственном дискурсивном пространстве. Эта гипотеза используется для выдвижения теории пространства дискурса. П. Цап (Cap, 2008) затем развивает эту теорию, принимая во внимание динамические характеристики периферийных дискурсивных объектов, движущихся к индикативному центру, и строит новую перспективу дискурса конфликта и угрозы с критико-когнитивно-прагматической точки зрения – теорию проксимизации.

П. Цап (Cap, 2013) утверждает, что проксимизация – это дискурсивная стратегия, направленная на представление событий, ситуаций и идеологий, удаленных друг от друга в пространстве и времени, как потенциальных угроз, и использует различные дискурсивные средства, чтобы подчеркнуть тот факт, что «внешний дейктический центр» (“outside-deictic-center”, ODC), который находится на краю дискурсивного пространства, бесконечно приближается и вторгается в область «внутреннего дейктического центра» (“inside-deictic-center”, IDC) говорящего, тем самым вызывая операцию осознания неизбежности внешней угрозы. Эта угроза имеет пространственно-временные и идеологические свойства, отсюда и создание ПВА-модели.

Исследования проводились на основе ПВА-модели, которая была адаптирована и оптимизирована для анализа русского политического дискурса с учетом грамматических особенностей лексики русского языка. Методология и процедуры, используемые в исследовании, включают следующее: в первую очередь устанавливаются аннотационные коды (S1-6, T1-5, A1-3) в соответствии с различными лексико-грамматическими элементами в ПВА-модели, затем речь кодируется, аннотируется, извлекается и осуществляется подсчет с помощью корпусного программного обеспечения UAM Corpus Tool. Далее фактические категории конвергенции подробно интерпретируются в связи с контекстом, и, наконец, логика легитимизации дискурса разбирается с помощью визуальной координатной диаграммы.

3. Анализ проксимизации в российском политическом дискурсе

21 сентября 2022 года национальное телевидение России транслировало уже второе выступление президента Владимира Путина, посвященное специальной военной операции на Украине. В его речи объяснялись причины начала военной операции, присоединения Донбасса и других регионов к России, а также объявлялось о частичной мобилизации. Речь была направлена на легитимизацию ряда важных политических и стратегических решений, включая изложение причин военной операции, поддержку референдума, издание указа о мобилизации и подготовку к специальной военной операции. В данном разделе, опираясь на теорию проксимизации, рассматривается применение различных стратегий для достижения намеченных политических целей и дискурсивных эффектов легитимизации с использованием трех измерений пространства, времени и ценности в моделях ПВА.

3.1. Анализ пространственной проксимизации

В соответствии с аналитической моделью ПВА, существительные и глагольные фразы в тексте были распределены по шести категориям, как подробно описано в Таблице 1.

Во-первых, в пунктах S1 и S2 были определены и квантифицированы лексемы «я» и «другой». В дискурсивной практике России Донбасс и другие связанные с ним регионы идентифицируются как «наша сторона», они могут быть разделены на две категории. Одна из них непосредственно соотносится в виде региональных существительных или фраз с местоимением «мы» или «наш», а также слов, связанных с российскими вооруженными силами; другая категория относится к таким регионам, как Донбасс, и к украинскому населению. Часть «другой» также делится на две категории: нынешнее украинское правительство и поддерживаемые им нацистские экстремистские силы, а также НАТО и его союзники во главе с США. Стоит отметить, что, согласно российской позиции, в политическом дискурсе украинский народ трактовался как субъект IDC, что собеседники солидаризировались с интересами украинского народа. Напротив, киевский режим трактовался как ODC с неонацистскими, террористическими, бандеровскими и другими экстремистскими силами, подчеркивая, что нынешнее украинское правительство действует не только против воли народа, но и в пользу нацистского экстремизма. Нынешнее правительство США также действует не только против воли народа, но и опирается на нацистский экстремизм. Абсолютная дихотомия между субъектами в пространственном измерении и различие между добром и злом оправдывают легитимизацию военных действий России против Украины.

Во-вторых, согласно содержанию пунктов S3 и S4, семантическое значение глагольных фраз может быть разделено на два типа: фокусирующийся на процессе и фокусирующийся на эффектах и последствиях. Центральная цель концептуализации заключается в описании атак и зверств ODC против IDC, а также в подчеркивании кризисного уровня ситуации, например:

(1) «Наследники бандеровцев и нацистских карателей **убивают** людей, **пытают**, **бросают в тюрьмы**, **сводят счеты**, **расправляются**, **измываются** над мирными гражданами» (Обращение президента..., 2022).

В данном примере приводится анализ преступлений, совершенных неонацистами, которые получают поддержку правительства Украины, против невинных людей. Серия глаголов в данном контексте подчеркивает тесную связь между правительством Украины и экстремистскими силами и направляет внимание обществу на правительство Украины как на ответственного за происходящее. Такой подход делает специальную военную операцию против ОДС легитимной.

(2) «Киевский режим **пустил в ход** новые банды иностранных наемников и националистов, воинские части, **обученные** по стандартам НАТО и под фактическим командованием западных советников» (Обращение президента..., 2022).

Пример (2) содержит глагольную фразу «пустить в ход» и пассивный глагол «обученный», которые трактуются как «угрожающий продвигнуться к центру инструкций» (S3). Это указывает на то, что после застоя в переговорах между Россией и Украиной киевский режим сформировал новые силы иностранных наемников и нацистов, а также завершил военную подготовку в соответствии со стандартами НАТО, фактически находясь под командованием западных военных советников. Это подчеркивает глубину вовлеченности НАТО в российско-украинский конфликт и означает, что перед более мощным противником российские войска были вынуждены направить больше сил на упорную борьбу. Все вышесказанное легитимизирует невозможность российских вооруженных сил краткосрочно завершить операцию на Украине, а также указывает на то, что Россия ведет борьбу не только с Украиной, но и с США и со всем блоком НАТО.

В заключительных пунктах S5 и S6 используются именные фразы абстрактных понятий для построения дискурсивного пространства. Особенно стоит отметить употребление таких слов и фраз, как «геноцид», «ядерная катастрофа», «государственный переворот» и других, для обозначения серьезных последствий, чтобы создать ощущение жизни и смерти и усилить эффект. Таким образом достигается легитимизация военных действий для предотвращения подобных кризисов. Чтобы обезопасить себя и свою страну, ОДС должен постоянно повышать свой военный оборонный потенциал и предпринимать все необходимые меры для реагирования на угрозы.

Таблица 1. Модель пространственной проксимизации

Пространственная проксимизация	Коды	Ключевые лексико-грамматические элементы	Частота
Существительные фразы (NPs) интерпретируются как элементы дейктического центра (IDCs)	S1	мы/народ/соотечественники/страна/отечество/Россия//патриоты/офицеры/солдаты/армия/добровольцы...	2,53%
		Донбасс / Запорожье // Крым / Херсонщина / украинский народ / мирные граждане / жители...	2,02%
Существительные фразы (NPs) интерпретируются как элементы дейктической периферии (ODCs)	S2	они / киевский режим / иностранные наемники / террорист / неонацист...	1,20%
		Запад / НАТО / Вашингтон / Лондон / Брюссель / страны НАТО...	1,01%
Глагольные фразы (VPs) трактуются как маркеры движения ODCs к IDCs	S3	развязать/отказаться/накачивать/наносить/шантажировать...	0,32%
		рваться/блокировать/подавить/навязывать/насаждать/вращивать...	1,19%
Глагольные фразы (VPs) трактуются как маркеры движения ODCs на IDCs	S4	сталкиваться/покинуть/подвергаться	0,19%
		сорвать/ослабить/разобшить/уничтожить/расколоть/распасться/враждовать/перейти/убивать/бросать/сводить/измываться/захватить...	1,51%
Существительные фразы (NPs), обозначающие абстрактные понятия, трактуемые как предвидение воздействия ODCs на IDCs	S5	угроза / агрессия / зверства / претензии / разведанные / применение против IDC оружия массового уничтожения – ядерное оружие	1,51%
Существительные фразы (NPs), обозначающие абстрактные понятия, трактуемые как последствия воздействия ODCs на IDCs	S6	забастовка / бой / обстрел / катастрофа / переворот / война / геноцид / блокада / наступление / нападение / репрессии / запугивание / террор / насилие / расчленение / порабощение / заложники / лишения суверенитета / грабеж...	2,71%

3.2. Анализ временной проксимизации

Анализ проксимизации времени в данном контексте показывает, что «сейчас» принимается как центр обучения, а конфликты, возникающие в прошлом и будущем, неизбежно смещаются и приближаются к настоящему, создавая срочность в историческом аспекте. В соответствии с рамками проксимизации времени (Сар, 2013, р. 116) и особенностями русской грамматики, приближение времени может быть рассмотрено с пяти направлений, а конкретная форма и содержание показаны в Таблице 2. Конфликты и угрозы неизбежны, и действия должны быть предприняты быстро.

Данные свидетельствуют о том, что по сравнению с пространственным подходом стратегия временного подхода в данной речи занимает небольшую долю, однако присутствуют два выражения, связанные с прошедшим временем, которые встречаются неоднократно, – «1991» и «2014». Кроме того, в речи используются несколько лексических и грамматических элементов.

Таблица 2. Модель временной проксимизации

Временная проксимизация	Коды	Ключевые лексико-грамматические элементы	Частота
Фразы, интерпретирующие акты фактического воздействия ODC в альтернативных временных рамках	T1	в 2014 году, в 1991 году, давно, за восемь лет, сегодня, до начала...	0,56%
Глагольное время, вид глагола, настроение используются вместе для построения угрозы, которая простирается бесконечно от прошлого к будущему	T2	быть / бы	0,12%
Существительные фразы (NPs), конструирующие пресуппозицию условий для возникновения воздействия ODC в любое время в будущем	T3	возможность/доступность	0,12%
Глагольные фразы (VPs), включающие модальные вспомогательные средства, интерпретирующие условия для воздействия ODC как постоянно существующие между настоящим и бесконечным будущим	T4	должен/мочь/стремиться/пытаться	0,18%
Формы дискурса, включающие параллельные контрастные конструктивы оппозиционного и привилегированного будущего, простирающегося от настоящего времени	T5	в 1991 году... расколоть Советский Союз, а сейчас... самой России	0,06%

(3) «Они уже прямо говорят о том, что **в 1991 году смогли расколоть Советский Союз, а сейчас** пришло время и **самой России**, что она должна распасться на множество смертельно враждующих между собой регионов и областей» (Обращение президента..., 2022).

В пример (3) включены T1 и T5 в модели временной проксимизации, содержание которых особенно подчеркивает параллельные контрасты в дискурсивной форме. Контекстом дискурсивной структуры является распад сверхдержавного Советского Союза в 1991 году, событие, которое принесло огромную травму и социальные волнения народам России и стран бывшего СССР, включая Украину. Распад Советского Союза также считается результатом стратегии эволюции социалистических стран со стороны западного лагеря во главе с США. Противопоставляя нынешнюю ситуацию в России и Украине историческим событиям распада бывшего Советского Союза, презентация создает психологическое представление для аудитории о том, что трагедия распада страны может повториться в ближайшем будущем и что Запад снова разделит Россию и подорвет ее суверенитет и территориальную целостность.

Кроме того, в отличие от английского языка, в котором много способов выражения времени, в русском языке существует только три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Однако использование видов русского глагола дополняет выражение значения процесса и результата действия, повторяемости и однократности, а употребление гипотетического времени также может передать смысл угрозы ODC для IDC. Поэтому в T2 следует учитывать общее понимание времени глагола, его время, вид, модальность. Например:

(4) «Стало абсолютно ясно, что новое, очередное, как это уже **было** прежде дважды, крупномасштабное наступление на Донбасс неизбежно. А затем так же неизбежно **последовала бы** и атака на российский Крым – на Россию» (Обращение президента..., 2022).

В примере (4) мы видим, что крупномасштабное нападение на Донбасс, подобное тому, какое произошло в прошлом, повторяется в настоящем. Использование гипотетического времени («последовала бы»), хотя буквально выражает действие, которое не произошло на самом деле, создает актуальность неизбежного военного нападения в настоящем контексте. Этот контекст распространяется не только из прошлого на будущее, но и географически от Донбасса до Крыма и даже до самой России.

Употребление модальной глагольной фразы (T4) и именной фразы, символизирующей будущие предпосылки (T3), направлено на подчеркивание того, что влияние ODC будет продолжаться и в будущем. Анализ временной конвергенции показывает, что эффективность переноса исторической памяти из прошлого в настоящее будет выше. Позиция России подчеркивает, что западный лагерь, возглавляемый США, использует Украину как плацдарм против России, разжигает русофобию и культивирует антироссийские настроения в Украине уже с 2014 года или даже ранее. Если Россия не предпримет решительных мер для ответа на угрозу сейчас, война в конечном итоге охватит и саму Россию, что может привести к повторению трагедии распада бывшего Советского Союза. Сокращение временного промежутка усиливает юридические основания для контратаки.

3.3. Анализ аксиологической проксимизации

Аксиологическая проксимизация в данном случае представляет собой выявление конфликта между ценностями и идеологиями IDC и ODC. Модель аксиологической проксимизации показана в Таблице 3. В данном корпусе текстов позитивные ценности IDC связаны с сохранением суверенитета, безопасности и территориальной целостности, независимостью и свободой, желанием автономно определять свое будущее. Однако ODC пропагандируют негативную идеологию, включающую «русофобию», «русофобство», «псевдоценности» и «мировую гегемонию». Употребление таких терминов, как «ненависть к России», «русофобия», ассоциируется с продвижением неонацистской идеологии и крайнего национализма. При этом термин «псевдоценности» связан с раскрытием истинной цели западной помощи Украине – укрепление международной гегемонии путем ослабления или даже уничтожения России. Таким образом, использование аксиологической проксимизации приводит к конфликту ценностей и идеологий, усиливает нелегитимность противоположной стороны и подчеркивает необходимость противодействия.

Таблица 3. Модель аксиологической проксимизации

Аксиологическая проксимизация	Коды	Ключевые лексико-грамматические элементы	Частота
Существительные фразы (NPs), истолкованные как положительные ценности или наборы ценностей (идеологии) IDC	A1	защита суверенитета, безопасности и территориальной целостности, стремление и воля к самоопределению своего будущего/судьбы, независимости и свободы	0,75%
Существительные фразы (NPs), истолкованные как отрицательные ценности или наборы ценностей (идеологии) ODC	A2	псевдоценности, русофобия, ненависть к России, мировое господство	0,31%

3.4. Анализ и обсуждение интеграции визуализации дискурса

С помощью количественного анализа было выявлено, что наиболее часто используемой стратегией подхода в тексте выступления является пространственная проксимизация (14,18%), за ней следует аксиологическая проксимизация (1,06%), а наименее используемый подход – временная проксимизация (1,04%). Мы опираемся на инновационную трансформацию дискурсивного пространства, предложенную Чжань Хуэй и коллегами в 2019 году (张辉, 颜冰, 2019), и стараемся интуитивно отобразить логику проксимизации дискурса с помощью визуализации, как показано на Рисунке 1.

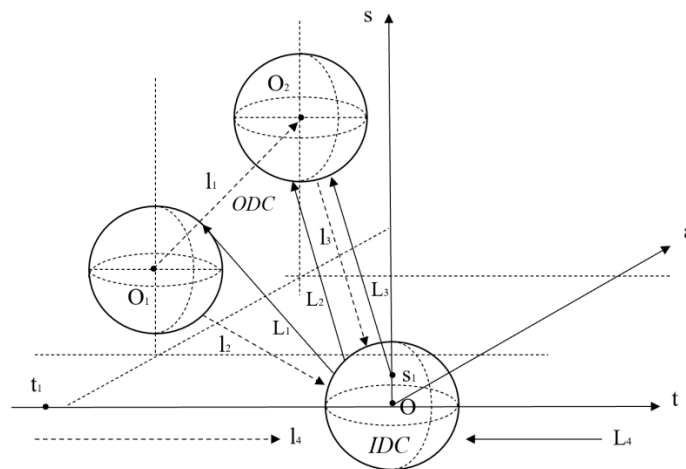

Рисунок 1. Трехмерная координатная диаграмма аппроксимации дискурсивного пространства

На трехмерной координатной диаграмме лагерь IDC представлен началом O и s_1 , где начало O является пересечением пространственной оси (ось s), временной оси (ось t) и аксиологической оси (ось a) в модели STA, которые обозначают соответственно «Россия» – «сейчас» – «безопасность/независимость/свобода», а s_1 – «регион и народ освобожденного Донбасса» и т. д. O1 и O2 являются членами ODC, причем O1 – это западные страны НАТО во главе с США, а O2 – нынешнее правительство Украины. В контексте дискурса O2 выражает более яркую враждебность к России и осуществляет прямые нападения, поэтому пространственные и ценностные координаты O2 находятся дальше от исходной точки O, в то время как нападения O1 на IDC были запланированы на длительное время, поэтому временные координаты находятся дальше от исходной точки.

На диаграмме (Рисунок 1) черной пунктирной линией представлены угрозы, направленные со стороны ODC в адрес IDC. Эти угрозы включают четыре линии, обозначенные как I1-I4. Линия I1 указывает на всестороннюю помощь и фактический контроль союзников НАТО, возглавляемых США, над Украиной, включая обучение военного персонала и поставки оружия. Линия I2 демонстрирует крайнее сжатие пространства безопасности IDC со стороны O1 и агрессивные попытки спровоцировать военные конфликты, а также объединение союзников во всестороннюю блокаду IDC. Линия I3 указывает на бессмысленные удары и преследования O2. Линия I4 отсылает к истории противостояния между США и Советским Союзом, которое продолжает существовать до сих пор и будет влиять на будущее.

Сплошные черные линии на данной диаграмме представляют разумную контратаку IDC в ответ на сильную угрозу со стороны ODC, включая четыре линии L1-L4, которые образуют взаимную атаку с L1-L4 в дискурсивном пространстве. Линии L1 и L2 являются началом специальных военных операций в Украине и издание местных мобилизационных приказов для расширения сил с целью противостоять военной угрозе со стороны НАТО в целом. Линия L3 относится к референдуму о присоединении к России, проведенному населением региона (s_1) при поддержке России с целью избавления от пророссийских сил в Донбассе и других регионах, которые долгое время преследовались украинским правительством. Линия L4 представляет собой проведение локальной мобилизации и продление времени войны российской стороной с целью предотвращения повторения Россией в будущем тех же ошибок, которые были допущены при распаде Советского Союза. Таким образом, эти меры по мобилизации и продлению военного времени неизбежно способствуют достижению заявленных целей специальной военной операции.

В целом использование трехмерной проксимизации пространства, времени и аксиологии позволяет оратору создавать угрожающее дискурсивное пространство, что подчеркивает легитимность соответствующих военных действий и политических указов. Это снижает возможность аудитории отвергнуть или опровергнуть взгляды оратора (宋健楠, 2019, с. 477), повышая признание аудиторией его взглядов. Идентификация и проксимизация являются основными средствами формирования легитимизации политического дискурса. Однако проверка того, может ли политический дискурс успешно достичь желаемого дискурсивного эффекта, связана не только с дискурсивными стратегиями, используемыми говорящим, но и зависит от субъективного понимания и интерпретации адресата. Дальнейший анализ необходим с точки зрения дискурсивного понимания и принятия.

Тем не менее фактические последствия телеречи В. Путина показали, что цели призыва в соответствии с местным мобилизационным приказом и референдумом на Донбассе были достигнуты, как и планировалось. Что касается общественного мнения в России, то согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ Новости. Референдумы в ДНР и ЛНР: итоги. 04.10.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/referendумы-v-dnr-i-lnr-itogi>), более 75% респондентов высказались за вхождение Донбасса и других регионов в состав России, 68% поддержали проведение специальной военной операции, а опрос, организованный Международным русским радио (RTVI), показал, что более 60% российской общественности поддержали решение президента о частичной мобилизации. Эффект от легитимизации телевизионных выступлений очевиден, и цель легитимизации дискурса в основном достигнута.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Легитимизация политического дискурса понимается как дискурсивная практика, при помощи которой политические деятели оправдывают свои политические идеи, решения и действия, используя рациональные аргументы и приемлемые мотивы. Конечной целью такой легитимизации является достижение консенсуса между говорящим и адресатом в плане восприятия, что, в свою очередь, приводит к «принудительному» убеждению и поведенческому согласию.

В данной статье применяется аналитическая рамка ПВА-модели, основанная на теории проксимизации П. Чапа, и производится ее адаптация с учетом лексических и грамматических особенностей русского языка для объяснения стратегии проксимизации телевизионной речи президента В. Путина.

Исследование показывает, что продуценты дискурса в основном применяют большое количество стратегий пространственной проксимизации, используя себя и народ в качестве IDC, а сторону США, нацистов и западных союзников в качестве ODC, для построения угрозы ODC против IDC и создания жесткой антагонистической взаимной наступательной позиции. Это дополняется стратегией аксиологической проксимизации, в которой подчеркивается, что устранение нацистской угрозы и противостояние гегемонии является конечной миссией этой специальной военной операции и оправдывает начало специальной военной операции на Украине и поддержку референдума о вхождении Донбасса в состав России. В стратегии временной проксимизации основное внимание уделяется переносу концепций из прошлого в настоящее. В диахронической перспективе подчеркивается, что конфликт между Россией и Украиной является продолжением противостояния между Востоком и Западом во время холодной войны. Основное внимание уделяется длительной враждебности Соединенных Штатов и их союзников по НАТО по отношению к России, а также антироссийским силам, которые поддерживают Украину. Российская армия продолжает проводить специальную военную операцию, рассматривая ее как полномасштабное противостояние с западным миром.

Очевидно, столкнувшись с различными продуцентами и реципиентами дискурса, презентационные характеристики стратегии подхода и построения дискурсивного пространства неизбежно будут иметь огромные различия или даже диаметрально противоположные ориентиры. В данной статье рассматривается только интерпретация позиции России как отправной точки исследования. Конфликт между Россией и Украиной еще не завершен, и представить панорамное дискурсивное исследование затруднительно в свете продолжающегося развития конфликта на разных стадиях дискурса. Под влиянием внешнего и внутреннего контекста эффективность легитимизации дискурса будет корректироваться за счет существенных изменений в других стратегиях подхода, и эволюция подхода в моделях данной темы заслуживает дальнейшего наблюдения, анализа и непрерывного обсуждения.

Источники | References

1. Cap P. Applying cognitive pragmatics to critical discourse studies: A proximization analysis of three public space discourses // *Journal of Pragmatics*. 2014. Iss. 70.
2. Cap P. Axiological aspects of proximization // *Journal of Pragmatics*. 2010. Iss. 42.
3. Cap P. Legitimization in political discourse: A cross-disciplinary perspective on the modern US war rhetoric. Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2006.
4. Cap P. Proximization: The pragmatics of symbolic distance crossing // Amsterdam: John Benjamins, 2013.
5. Cap P. The language of fear: Communicating threat in public discourse. L. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2017.

6. Cap P. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse // *Journal of Pragmatics*. 2008. Iss. 40.
7. Chilton P. *Analysing political discourse: Theory and practice*. L.: Routledge, 2004.
8. Dijk T. A. van. *Ideology: A multidisciplinary approach*. L.: SAGE, 1998.
9. Leeuwen T. van. Legitimation in discourse and communication // *Discourse and Communication*. 2007. Iss. 1.
10. Leeuwen T. van, Wodak R. Legitimizing immigration control: A discourse-historical analysis // *Discourse Studies*. 1999. Iss. 1.
11. Martín Rojo L., Dijk T. A. van. 'There was a problem, and it was solved!': Legitimizing the expulsion of 'illegal' migrants in Spanish parliamentary discourse // *Discourse & Society*. 1997. Iss. 4.
12. Reyes A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions // *Discourse & Society*. 2011. Iss. 6.
13. Screti F. Defending joy against the popular revolution: Legitimation and delegitimation through songs // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. Iss. 2.
14. Vaara E., Tienari J., Laurila J. Pulp and paper fiction: On the discursive legitimation of global industrial restructuring // *Organization Studies*. 2006. Iss. 6.
15. 龚双萍. 冲突性军事外交话语中合法化的语用研究 // *解放军外国语学院学报*. 2020. № 6 (Гунь Шуаньпин. Прагматическое исследование легитимизации в конфликтных военно-дипломатических дискурсах // *Журнал академии иностранных языков Вооруженных сил*. 2020. № 6).
16. 林予婷, 苗兴伟. 战争合法化的话语策略——美国总统阿富汗战争演讲的批评话语分析 // *外语与外语教学*. 2016. № 5 (Линь Ютин, Мяо Синвэй. Дискурсивные стратегии легитимизации войны: критический дискурс-анализ речей американских президентов об афганской войне // *Иностранные языки и преподавание иностранных языков*. 2016. № 5).
17. 宋健楠. 批评性话语阐释的合法化趋近视角 // *现代外语*. 2019. № 4 (Сунь Цзяньнан. Проксимальная перспектива легитимизации критической интерпретации дискурса // *Современные иностранные языки*. 2019. № 4).
18. 武建国, 牛振俊. 趋近化理论视域下的政治话语合法化分析——以特朗普的移民政策为例 // *中国外语*. 2018. № 6 (Ву Цзяньгуо, Ню Чженьцзюнь. Анализ легитимизации в политическом дискурсе с позиции теории проксимизации: пример иммиграционной политики Трампа // *Китайский язык*. 2018. № 6).
19. 辛斌. 英文新闻标题中的合法化话语策略分析——以《华盛顿邮报》和《纽约时报》有关南海争端报道为例 // *外语学刊*. 2020. № 4 (Синь Бин. Анализ стратегий легитимизации в заголовках англоязычных новостных статей о спорах в Южно-Китайском море: на примере The Washington Post и The New York Times // *Иностранный язык и обучение иностранным языкам*. 2020. № 4).
20. 杨敏, 侍怡君. 中美贸易战中美方“合法化”话语建构——基于语料库的话语-历史分析 // *外语研究*. 2021. № 3 (Янь Минь, Ши Ицзюнь. Дискурсивная легитимизация развязывания торговой войны между Китаем и правительством США: анализ исторического дискурса на основе корпусного анализа. 2021. № 3).
21. 张辉, 颜冰. 政治冲突话语的批评认知语言学研究——基于叙利亚战争话语的个案研究 // *外语与外语教学*. 2019. № 4 (Чжань Хуэй, Янь Бин. Критико-когнитивный лингвистический анализ дискурсов политических конфликтов: исследование на примере дискурсов Сирийской войны // *Иностранный язык и преподавание иностранных языков*. 2019. № 4).

Информация об авторах | Author information

Чэнь Сыци¹

¹ Далайский университет иностранных языков, Китай

Chen Siqi¹

¹ Dalian University of Foreign Languages, China

¹ chenchenfly0901@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): теория проксимизации; политический дискурс; легитимизация; телевизионная речь; proximization theory; political discourse; legitimization; television speech.